

Роман Сенчин

Мы идем в гости



Часть сборника
Любовь, или Не такие, как все
(сборник)



Роман Валерьевич Сенчин

Мы идем в гости

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685625

Любовь, или Не такие, как все : сборник рассказов: ЭКСМО; Москва;

2016

Аннотация

«В субботу, за завтраком, мама вдруг объявила:

– Сегодня мы идем в гости!

У Татьяны на день были свои планы, у Мишки – свои. Услышав об этом, мама расстроилась, даже возмутилась...»

Роман Сенчин

Мы идем в гости

© Сенчин Р., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

В субботу, за завтраком, мама вдруг объявила:

– Сегодня мы идем в гости!

У Татьяны на день были свои планы, у Мишки – свои.

Услышав об этом, мама расстроилась, даже возмутилась:

– Кажется, я вас не очень стесняю. Так? Но сегодня прошу... требую!.. пойти со мной. Это очень важно.

Они жили втроем. Отец уехал четыре года назад; с тех пор Татьяна и Мишка видели, не могли не замечать, как быстро мама меняется. Что-то стало в ней появляться такое – неприятное. Стала она походить на чужую, вечно насупленную, готовую к скандалу, к ругани тетку. По вечерам сидела на диване без дела, слепо смотрела в сторону телевизора; еду готовила через силу, озлобленно как-то... Но с месяц назад мама начала слегка оживать, отмякать, с работы приходила немного позже обычного грустноватая, зато добрая и заботливая. И дети, уже почти взрослые, догадывались, в чем причина ее оживленности, поэтому не стали сопротивляться –

поняли, куда зовет. Им показалось, что поняли...

Быстро закончили завтрак, оделись празднично и вышли из дому. Автобус подъехал к остановке почти сразу – ждать не пришлось. И только там Мишка не выдержал и спросил:

– Мам, а куда мы все-таки?

– Мы... Мы к Вере Ивановне.

– Чего?!

Пассажиры обернулись в их сторону...

Вера Ивановна была маминой сослуживицей; она появилась здесь совсем недавно, в конце лета, и вскоре по городку побежал слухок, что ее сын болен страшной болезнью, о которой здесь знали только из передач по телевизору... Несколько раз, возвращаясь с работы, мама вслух горевала: «Наши даже близко к ней подходить не хотят, бумаги после нее в руки взять брезгуют. Эти, в отделе кадров, ворчат все, зачем ее приняли – не знали, что со Славиком у нее такое... Славик вообще на улицу почти не выходит... Нужно им как-то помочь, поддержать бы. И вот, значит, сегодня решилась.

Всю оставшуюся дорогу молчали, глядя в разные стороны.

Вера Ивановна с сыном жили в кирпичной пятиэтажке возле автовокзала. Мама решительно, со строгим лицом, вошла в подъезд первой.

– Только ведите себя прилично, – сказала на лестнице. – Посидим часок, чаю попьем. Они ведь тоже люди. И очень хорошие, в сущности... Договорились?

– Угу.

Мама вдавила кнопку звонка. Быстро, будто за ней стояли, дверь открылась.

– Здра-авствуйте! – чересчур радостно пропела мама. – А мы вот к ва-ам.

– Проходите, – мягкий, приятный голос в ответ; непонятно даже, девушки или парня.

Столпились в тесной – справа вешалка, слева зеркало с тумбочкой, впереди стена – прихожей; из-за спин мамы и брата Татьяна не сразу увидела невысокого длинноволосого юношу в синем ворсистом халате. Лицо, узкое, сухощавое, какое-то по-южному яркое, было приветливым и симпатичным, но словно бы утомленным долгим недосыпанием. «Как после экзаменов», – вспомнила Татьяна себя и своих одноклассников, когда заканчивали девятый класс.

– Раздевайтесь, пожалуйста, – сказал юноша, и тонкие губы чуть раздвинулись в еле заметной улыбке. – Мама сейчас вернется. За тортиком спустилась.

– У-у! А мы тоже со вкусеньким!..

Вошли в зал. Мама познакомила Славика с Татьяной и Мишкой.

– Очень приятно! – уже открыто улыбался юноша. – Очень рад. – Заметил на себе халат, испугался: – Ой, прошу прощения! Как Обломов, до обеда... Располагайтесь, я сейчас. – Он плавно, но быстро заскользнул в соседнюю комнату.

Огляделись. Обстановка обычная – диван, журнальный

столик и кресло рядом, большой, от пола до потолка, сервант с посудой; в нем же – телевизор, видик, книги на двух полках...

– А это Славика, – указала мама на висящие над диваном картины.

Две, что по бокам – сине-багровые, и, на первый взгляд, на них изображены грозовые тучи, летящие в закатном небе, а на той, что в центре, оранжево-черной, – языки пламени среди крошечного мрака. Но стоило присмотреться, и тучи, пламя превращались в силуэты изогнувшихся, сплетшихся меж собой обнаженных танцовщиков.

– Он художник, что ли? – тихо спросил Мишка.

– Да. И очень, между прочим, известный там... Даже выставки были.

Мишка как-то уважительно-удивленно усмехнулся, а Татьяна, глядя на картины, почувствовала вдруг приятное, незнакомое царапанье внизу живота. Захотелось дернуться и хихикнуть, как от щекотки...

Птичкой залился звонок в прихожей.

– Откройте, пожалуйста! – крикнул из комнаты Славик.

Мама открыла дверь и обрадовалась высокой, большой женщине в сиреновом пальто, а женщина – ей. Даже коснулись губами щек друг друга.

– Вот они – мои, – указала мама на детей. – Старшая, Татьяна, уже выпускница на будущий год, и Миша – паспорт на днях получил.

– Здравствуйте, дорогие гости! – Женщина развела руки, будто готовясь обнять и поцеловать их. – Счастлива познакомиться!

– А это – Вера Ивановна, – добавила мама.

Вера Ивановна была, конечно, уже немолодой, но все равно красивой; она напомнила Татьяне одну иностранную актрису... Катрин Денев, кажется.

– Медовый торт любите? – спросила Вера Ивановна, снимая пальто. – А где Славик?

– Он там... переодеваться пошел.

– Отлично. Сейчас будем пить чай!

Стол накрыли в зале; мама высыпала из целлофанового пакетика в тарелку орешки с начинкой из вареной сгущенки – напекли с Татьяной вчера вечером; Вера Ивановна достала красивые, как музейные, чашки и блюда...

Торт, орешки, конфеты «Ассорти» были очень вкусные, но особенно всем понравился чай – ароматный, крепкий, с запахом каких-то луговых цветов. На вкус одновременно и зеленый, и черный.

– Все не решаюсь спросить, – подставляя чашку для очередной добавки, сказала мама, – что за сорт такой... Никогда не пила.

– Это нам из Франции присылают, – ответила Вера Ивановна; она сидела во главе стола, за чайниками, на ней было темное платье с кружевным воротником, волосы, тщательно зачесанные назад, собраны в шишечку, а шишечка проколо-

та деревянным стержнем; теперь она была похожа одновременно и на барыню позапрошлого века, и на японскую императоршу. – Название очень сложное. Славик?..

– Le thé des écrivains, – тут же, умело скартавив, произнес он и перевел: – Писательский чай... Его многие французские писатели и художники пили. Мопассан, Пруст, Мане... Я тоже очень полюбил, когда жил в Париже. Чудесный аромат.

У Татьяны юркнул в горло и застрял кусок ореха. Она закашлялась. Мишка с удовольствием раз, другой хлопнул ее ладонью между лопаток. Татьяна взвилась:

– Перестань!

Наладив дыхание, глотнула чаю, стерла выступившие слезы и сидела, опустив глаза, – знала, все сейчас наблюдают за ней, сочувствующе-снисходительно улыбаются.

«Как дура», – ругнула себя.

– Славик, – раздался спасительный голос Веры Ивановны, – может быть, ребята хотят посмотреть твою мастерскую, работы. Им, наверное, любопытно.

– Да, конечно! Пойдем? – предложил он так как-то душевно, что Татьяна и Мишка сразу же поднялись.

Мастерская была в соседней комнате.

Прежде чем что-то увидеть, отметить взглядом, Татьяна почувствовала странный, необычный запах, до того сильный, что сразу слегка закружилась голова и снова приятно-щекочуще царапнуло в животе.

– Во-от, это моя берлога, – выдохнул Славик, зажег люстру. – Извините за беспорядок. Порядок, как Ван Гог говорил, – смерть.

По центру довольно большой, с двумя окнами, комнаты (видимо, она была угловой в доме) стоял мольберт. На нем холст, почти чистый, лишь тронутый в нескольких местах то ли карандашом, то ли черным мелком – вроде бы случайные скопления, пересечения линий... У дальней стены тахта, над ней полки с книгами и альбомами, а вдоль левой стены – стены без окна – широкий стеллаж, забитый картинами, пустыми рамами, рейками, папками... На полу – на газетах и тряпках – банки с какой-то желтоватой жидкостью, тубики, тубы, ящички...

– Круто, – не удержался Мишка. – Никогда вот так у художников не был. К нам сюда вообще-то много приезжает летом. А вы?..

– Давай лучше на «ты», – с улыбкой перебил Славик. – Разница в возрасте, кажется, небольшая.

– Давай.

Он прошел к тахте, поправил на ней покрывало.

– Садитесь, пожалуйста, давайте поговорим. Получше познакомимся.

Татьяна и Мишка сели. Славик устроился напротив на табуретке. Положил правую ногу на колено левой. Он был в светло-синих джинсах, легкой оранжевой рубашке; длинные густые пряди, чуть выющиеся, то и дело падали на ли-

цо, и Славик закидывал их назад... Татьяна смотрела на него с интересом и слегка со страхом – в их городке, вдалеке от железной дороги, крупных городов, парней с такой прической, такого типа она до сих пор не встречала. Даже художники, про которых ляпнул Мишка, были другими – здоровые мужики, похожие на небритых штангистов, а этот... То, что каждый день показывали по телевизору – все эти клипы, ночные клубы, тусовки, модельеры, стилисты, – всегда казалось ей почти ненастоящим, как мультфильмы; местные парни всячески выпячивали свою силу и грубость, стриглись коротко, почти налысо, и частенько, встретившись, хвастались друг перед другом, потирая ладонью голову: «Во! Три миллиметра, блин, – десантский стандарт!»

– Значит, вы еще в школе учитесь? – спросил Славик.

Татьяна и Мишка кивнули:

– Да.

– Уху.

– А дальше какие планы?

– Не знаю, – сказал Мишка. – Мне еще рано думать. Надо хоть девятилетку добить, а там уж...

– Нет-нет! – воскликнул Славик почти испуганно. – Ты что?! Необходимо полное среднее получить! Я столько знал ребят, которые бросили после девятого и – покатались. Теперь слесарят, канализации чистят... А одаренные ведь от природы.

Татьяна покривила губы в невольном согласии, а Мишка

с не очень большой охотой бормотнул:

– Ну да, надо, конечно...

– А вы, Таня, определились?

Она никогда всерьез не задумывалась, как-то боялась задумываться, что станет делать после школы. Но сейчас, чтобы показаться взрослее, именно определившейся, твердо сказала:

– Я решила поступать в торговый.

– В институт?

– В техникум. У нас тут институтов нет...

– Да? – Славик разочарованно покачал головой. – Торговый техникум... Гм... А на большее посягнуть не хотите?

– На что посягать? – И Татьяна услышала в своем голосе раздражение – раздражение от неловкости: будто ее на какой-то глупости поймали.

– Скажем, рвануть в Питер или в Москву, в театральный попробовать поступить, в «Фабрике звезд», условно говоря, принять участие? Вы девушка симпатичная, фактурная, голос, кажется, есть, движения...

Она почувствовала, как загло щеки; из последних сил выдавила более-менее едковатое, независимое:

– Не всем петь – кто-то и хлеб продавать должен.

– Гм... Ну что ж, тоже логично. Продавать хлеб... – Славик пожал плечами, посмотрел куда-то мимо Татьяны и Мишки и улыбнулся почти жалобно: – Вы простите, ребята, что я так, как на допросе. Просто закис совсем, отвык

разговаривать – три месяца практически не выхожу никуда. Да и никогда не жил в таких местах. Деморализован, как говорится... Общения хочется, в кафе посидеть, погулять. Места тут у вас, кажется, благодатные. Только вот... – Он вздохнул. – Вы, наверное, знаете о моей проблеме?.. Да, конечно. Здесь сразу все все узнают. Так ведь?

Сразу стало неудобно, тревожно. И тихо. Так же когда-то Татьяна с Мишкой сидели в больничной палате возле койки умирающей бабушки...

– Вот пытаюсь бороться, работать начал, – с усилием, но все-таки бодро произнес Славик, кивнув на мольберт. – Сложно, правда. На новом месте всегда сложно... Нужно осмотреться, мастерскую обжить – чтоб маслом пропиталась, флюидами, так сказать. Тогда что-то, может, и начнет получаться. Рождаться.

И только замолчал – колючая неудобность продолжила расплзаться.

– А это красками так пахнет? – скорее чтоб отогнать ее, чем из интереса спросила Татьяна.

– Как? Чем-то гадким? Я привык, не чувствую.

– Нет, приятно пахнет, только странно.

– Аромат еще тот! – Славик взглянул на стоящие на полу банки и тубы: – Масло, ацетон, лак, скипидар, жидкий мел... Целая лаборатория, в общем.

Обычно заполошный, любопытный, бесцеремонный до хамоватости Мишка сидел сейчас тихонько, нахохлив-

шись, избегая встречаться со Славиком глазами... Татьяна поискала, о чем бы еще спросить, нашла:

– Слава, а вы правда в Париже были?

– Правда. А что?.. Рассказать?

– Ну, если не трудно.

Он засмеялся:

– Нет, как раз это-то мне не трудно! О нем я часами могу... – Поднялся, прошел по свободному пространству комнаты-мастерской, посмотрел в окно; за окном, внизу, – пятно привокзальной площади с пыльными ларьками, «Икарусам» и «пазиками»; в пятне мельтешили или замерли, как пойманные на липкую ленту мухи, бесцветные человечки... Дальше, за площадью, серели шифером и некрашенным деревом дома частного сектора, торчали скелетики модельных антенн...

– Я там полгода прожил, – вырываясь из невеселого, тоскливого созерцания, заговорил Славик, – на самом Монмартре. Это холм такой, с него весь Париж... У самых ног лежит. Такие пейзажи! А на самом верху собор белоснежный. Сакре-Кер. Очень красивый, впечатляющий такой. Архитектурно на мечеть очень похож... Вокруг кафе, магазинчики, художники сидят. До самого рассвета жизнь. Хм, праздник... – Он грустно улыбнулся. – Да там на каждом шагу что-то знаменитое. Под Монмартром – «Мулен Руж». Слышали? Кабааре такое, самое известное в мире. Мне посчастливилось побывать, но – не очень. Слишком все для туристов. А лет сто

двадцать назад, во времена Лотрека, там, наверно, действительно рай для богемы был. Настоящее чрево... Пляс Пигаль, Клиши, Опера... Нет, друзья, – Славик взглянул на скукожившихся на тахте, будто замерзших брата и сестру, – нет, это слишком великий город. Словами о нем не расскажешь. Надо видеть, вдохнуть... Лучшие дни жизни он мне подарил, но... но и вечную теперь... крест до конца жизни, в общем. – Сел на табуретку, но неловко как-то, боком к гостям. – Из-за этого мы сюда и переехали. Думали, спокойно будем здесь, никому не известными... Врачиха разболтала – и вот. И здесь я изгоем стал... Ее судить надо за нарушение врачебной тайны, на самом деле. Тупица!.. На улицу права выйти теперь не имею, маму травят... Хм, мешок надо сшить и ходить с ним на голове, звенеть колокольчиком. Как прокаженные в Средневековье. Или пусть камнями забьют...

Татьяна поежилась, а Мишка, воспользовавшись молчанием, выдавил:

– А это... как случилось... ну, что это?..

– Ты имеешь в виду, как я заболел?

– Н-ну... Уху.

Славик пожал плечами:

– Да в принципе – обыкновенно. Колол наркотики.

Там многие этим увлекаются.

– У-у! Герыч? – как-то испуганно-уважительно произнес

Мишка.

– Нет, – мягкая, снисходительная улыбка в ответ, –

не героин. Но кое-что близкое. Тоже на опиумной основе... Теперь – теперь, естественно, с этим покончено. Да! Это пропасть, ребята, поверьте. И пробовать даже не советую. Это за гранью. – Он снова поднялся, прошел по комнате. – Хотя... хотя, знаете, порой так тянет почувствовать, ощущение повторить, когда по крови волна проходит. Прямо как приступы... Непередаваемое все-таки ощущение! И мир изменяется. Мгновение – и все другое... Ведь зачем-то природа создала мак, дала человеку это знание. То есть... – Словно бы очнувшись, Славик вздрогнул, поморщился. – Впрочем, много каких ядов человек придумал. Одно запрещено, другое вон лежит повсюду, продается. Но нужно научиться силой души менять свое состояние. Это я твердо понял. Слишком поздно, к сожалению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.